

ИЕРИМИХИСТ

На скатерти ночи запёкся закат, за собой волоча тот клубок из огня, что вы солнцем зовёте. За шиворот тьмы горизонта катясь, не спеша, этот шарик оставит мой город в тревожном покое. И кто его знает, что вечер пророчит? Не скроет от ищущих глаз, даже самая чёрная мгла, что грохочущим злом разлилось по углам городка и, чернилами, в нём проросло.

Третий час уж могильщик Ирим из земли колыбель мертвецу мастерил, и, врываясь в промерзлую почву, лопата его поднимала громадные клочья и тут же роняла их вниз. Ожидал свой последний приют из телеги уродливый труп, он опухшие веки свои обращал на творца его дома, ночного дворца, что здесь душу сего мертвеца упокоит. И, вскоре, Ирим, доведя до конца своё дело, лопату, умело, в трясину вонзил, приготовившись прямо с телеги в ту яму спустить неопознанный труп, ради Бога. Так - без панихиды, без вербы, без Гроба, здесь дико хоронят тела, что никто не узнал, не искал мертвеца, и никто не спросил о пропаже жильца, например. Вот, о трупе сказать тут и нечего - весь изувеченный, резанный, криво изогнуты плечи, и с ним не придут попрощаться друзья, так что ладан не нужен и свечи, ему ни к чему ритуал, вот и славно, управится точно Ирим до утра.

Улетали по ветру засохшие листья с куста и скрипели, поросшие мхом, паутиной, кресты - То был знак, что могильник остыл и устал и он жаждет угля. Человеческой плоти плоды ненадолго его усмирят, своим тленом насытив утробу могил. Те порывы осеннего ветра сулят приближение хлада, что в венах колотит у сотен беспечных зевак, но их рано иль поздно могильник всё так же проглотит. Ирим, наклонившись к телеге, стоявшей напротив, над телом холодным приник, и к Могильщику, вдруг, обратился мертвец, с выражением лица довольным: «Привет, ты уж наглым меня не сочти ка, с тобой говорить без причины я точно не стал бы. Прошу, не спеши ты меня хоронить, не нужны

мне, пока, эти мрамора плиты, венки. Понимаю, ты сильно устал, ты так долго, среди темноты, мне могилу чудесную рыл и душистую землю копал; Я не стал бы тебя отвлекать, будь я мёртв до конца. Но прошу, убери удивление с лица. Я - Исай. Да, тот самый поэт, ты, конечно же, знаешь меня».

В этом мраке полночном Исай был чрез-чур разговорчивым для мертвеца, но кумира Ирим в этом трупe признал. Его книги могильщик до дыр излистал, исчитал и цитаты зубрил, никогда этот мир никого фанатичней не знал, кто бы боготворил, как Исаия Ирим. И сейчас, будто парализован и взглядом прикован Ирим, когда мертвый кумир перед ним говорит эксцентрично, задорно, до боли Ириму здесь слогом знакомым, родным. И уж время к рассвету, несмело, идёт, но Ирим будет слушать Исаю, покорно, похоже, покуда и сам не сгниёт изнутри.

«Никакие земные дары и блага уже слишком давно мне сделали б радости – Мертвый поэт продолжал – я так сильно желал воссоздать то, забытое мою, душевное равенство, - равенство зла и добра, что сейчас я, любуясь тобою, пока ты могилу копал, насыщался, буквально, иным ощущением себя, на границе живого и мёртвого мира. И весь мой словарный запас не озвучил бы эту картину, Я, правда, убил себя – этим же спас. Но мне нужен был именно ты, мой могильщик, Ирим, мой маяк, проводник, мой покорный и верный слуга. Помоги же исполнить великий мой план, что вынашивал долго в чертогах своих. Я создам идеальный сюжет – продолжение жизни своей, бытия, я могу ещё миру оставить свой дар, и мой гений послужит живым и останется здесь на века. Мой последний роман – эпитафия, мой некролог, и мой крест, что я нёс, он - таланта писателя мой потолок, никогда бы при жизни своей я не смог воссоздать и крупинцы того, что роман мой, последний, несёт. Это был мой конец, как творца, моя подпись под жизни письмом. Как же долго страдал, осознав, что своё отблестал, это всё, что хотел Я, как автор, сказать, и пускай всё горит здесь, огнём. Но потом, оккультизмом увлекшийся, Я обнаружил, что в мире ином, за пределами жизни пустой, что мне так надоела уже, есть для мысли бездонный простор, есть великий и странный сюжет! Что есть то, что ещё не постиг, и народ никогда не поймёт, Я вновь смысл сумел обрести, снова

будет явление моё! Я греховный свершил ритуал, обретя эту связь двух миров. Я неделю себя истязал и на руны истратил всю кровь. Изуродовал лик неспроста, так меня не узнал бы никто. И я умер пред монастырём, меня кто-то нашёл поутру, ну а дальше ты делал работу, как будто я чей-то там труп. Что я мёртв - знаем только лишь мы, что все ждут моей лирики – факт, вот и всё, остальное – пустяк, я продолжу из мёртвых творить. Так что слушай Ирим, дорогой, и исполни последний завет; Стань моим драгоценным пером, что в руке не удержит скелет. В этом мире уже Я – ничто, я гнию, я не смог бы писать. Но вот ты! Ты здоров и силен и в твоих человеческих руках будет весь мой талант заключён, что тебе расскажу я в стихах».

Говорящий мертвец не нуждался в ответе Ирима. Поэт так уверенно, живо вещал свою мысль, легко и игриво, нещадно сжимал свои связки гнилые, парой доводя свои речи до крика. И вот, завершая своё указание перед пустующей тёмной могилой, Писатель сказал: «А теперь, распори мне живот, и достань из кишок медный ключ, что ведёт в мой заброшенный дом. На столе, там письмо для издателя, мол, ты – мой литературный агент. Свою рукопись я доверяю тебе целиком. То письмо уже будет с печатью моей, моей подписью, чёрным клеймом. Всё богатство с продаж забирай ты себе, мне сейчас это золото – просто мираж, просто вещь в вашем мусорном мире живом. Приходи ко мне каждую полночь с бумагой, чернилами, свечкой, вороньим пером. И не смей пропускать ни единой ты встречи, ни то ты познаешь мой гнев первородный, проклятием, чёрным моим колдовством!»

Иисай уже знал, что Ирим согласится на всё. Началось порождение самых немислимых миру стихов, что мертвец из загробного мира принёс на синеющих, мертвых устах. И кумира указ исполнял мой могильщик дословно, и каждую полночь, в пугающий час он сидел перед трупом покорно. Писал и писал, всё, что мертвый поэт говорил, об увиденном им в параллельных мирах, в полумраке, в пустынных астральных лесах. О законах и правилах мира теней, как летят наши души в немой пустоте, образуя поток всех умов, из сетей наших воспоминаний, идей. Создаётся воронка материи, общий, единственный разум

вселенной и каждая мертвая жизнь продолжает в ней видеть, как будто бы, сны, провоцируя память, и импульс пуская в одну паутину, рождая в сознании космоса образы, словно сюжеты из жизни, где мертвые люди встречаются, женятся, дружат, ругаются, всё, что при жизни им было знакомо. Но часто случаются сны, что запутаны в импульсах этой воронки, они нелогичны, нелепы, странны. И всё это могильщик писал, неустанно. И вот, через месяца три, был готов уже первый роман, что Исая диктовал ему, лёжа на холодной земле, и назвал его так: «Космография мира без сфер».

Эта новая книга Исая великого, мигом сломавшая стену молчания между людьми и их славным кумиром, настолько умы почитателей всех поразила, что было сравнимо с повторным явлением на землю мессии. Покуда Исая был давно уже мёртв, то восторг весь народный сполна на себя примерял Иеримий, как прежде, без слов и покорно. Вот только, до сели совсем нелюдимый Ирим, что был скромненький, как тонкий росток посреди густых зарослей чащи, испытывал злостный, немой дискомфорт и стал нервничать чаще. Настолько ему незнаком был поток обсуждений того, что Он, якобы, сделал, создал, сотворил, что Ирим стал отчаянно путать заслуги Исая, его бесконечный талант, и заслуги свои. А, вдобавок, свой жизненный образ сменив, с непристойной возни на кладбищенской мокрой грязи, на большую кровать и хоромы в оставленном доме Исая. Но каждую полночь, всё так же, Ирим приходил к незабвенному склепу, где предан был славному делу писать. И в том склепе Исая диктовал ему строки для новой поэмы, что гордо назвал «Житие Неживых». Это сборник сюжетов, что мёртвый поэт наблюдал среди веток ночной тишины в параллельном быту небытия, гробовой пустоты. Это сны из реки мертвецов, из потока их спутанных грёз. В этот раз Иеримий, которого, кратко, зову я Ирим, ощутил, будто, силу в бездарных руках, его слабый рассудок попутал опять слог Исая и то, что черкает он быстро на белых листах. И когда мой Ирим возвращался домой после встреч своих в склепе ночных, он в поэму сюжеты вставлял, что придумывал сам, вдохновлённый кумиром и жаждой творить.

«Житие Неживых» вскоре вышло на свет, заимев еще больший у люда успех. Эта книга была столь странна, непонятна, неровна, в ней слог то ломался, но снова взлетал, извивался, сюжеты дробились, сплетались в уродливых монстров, без внятных начал и конца, где-то книгу читать было невыносимо, в каких-то местах текст, как песня, звучал. И всё это в абсурде своём так понравилось людям, как нравилось всё, что уже выходило под тем знаменитым клеймом. Если это Исай написал, то народ уж проглотит умом целиком, это будут читать, это будут любить, так силён его статус творца, в этом смысл найдут, даже если там нечего будет искать.

Но про вольность Ирима Исай разузнал от умерших недавно фанатов из недр загробного мира. Те яро делились, как их поражали во время прочтения эти картины, в которых Исай иногда и не мог распознать своей собственной лиры. И вот, на ближайшем свидании с хитрым Иримом Исай свою ярость здесь выпалил, мигом: «Как смеешь ты грязь свою миру втирать и, особенно, делая это под видом меня, моего незабвенного Имени!? Я раскрываю живым потаённое знание, дар прямиком из могилы! Опасно совать свои руки туда, где ты слеп, где тебе ничего не известно. Я – избран вселенной, ты – конченный бездарь, не смей мне мешать и уйми свои планы, законы астрала тебе никогда не понять, не марай их живым, не марай их сюжетом, что логикой создан в живой голове! Подчинись мне, как прежде – тебе мой совет».

До этого мига немой, Иеримий ответил кумиру, что было ему так несвойственно, на удивление целому миру, Ирим проявил свою волю повторно, уже перед мёртвым поэтом: «Я, честно, признателен этим советам. Твои наставления – это так мило. Вот только живя много лет на планете, к загробному миру был ближе, чем кто-либо. Ты и представить не можешь, насколько сроднился я с трупами, с этим могильником, свежераскопанным. Я всю свою жизнь среди покойников был, я не знал материнской любви, я не знал любви женщин живых. Мне общение в тягость всё было с людьми. Мертвецы мне являлись во снах, только с ними я чувствовал близость и связь. Не уверен,

что ты, разговоры с тобой, - здесь реальней, чем сон. Я не зол на тебя, ведь, возможно, ты – вымысел мой».

И на этих словах Иеримий Исаия покинул. Поэт всё остался лежать в сыром склепе, забытый. Ирим же закрылся в часовне, на кладбище милом, родном. Уже следующей ночью к Исаю Ирим не пришёл. И, конечно, угрозы о тёмном проклятии были лишь блефом, а чем же ещё? В этом мире Исай мог лишь только болтать, что, признаться, умел он весьма хорошо.

Падал снег на, оставленный Господом, город. В часовне безумец всё что-то творил. Снег уж сменится ливнем и выпадет снова, так год писал книгу Ирим. Сквозь большие сугробы он в склеп ковыляет, где от Иисая остался скелет. Он садится пред ним, отложив первый лист, и, неспешно, читает свой долгий «Иеримихист».

Иисай его слушал, смиренно. И, выслушав, долго молчал. «Твоя книга – опасней, чем пуля, опасней любого ножа. Ты всецело безумен – Исай, всё же, сказал – Закопай, закопай её, вместе с собой, на века». Иеримий поднялся, безмолвно, бумагу всю в стопку собрал и из склепа он вышел, довольно, и запер его навсегда.

«Иеримихист» напечатан был позже от имени, так же, Исаия. И культ Иисая был слишком велик, и народ не делил его авторство с ложью безумца. С той книгой в руках Иеримий всё ждал, пока люди в часовне его соберутся. Толпился народ от неё до могильника ржавых ворот. Здесь начать свою первую проповедь новой религии Падре Ирим был готов.